

Сергей Смирнов

Госпиталь Бурденко

Я закрываю глаза и вижу место своей службы.

Наша казарма представляла собой здание Петровской эпохи с небольшими казематами, где оконца в толстенных кирпичных стенах и сводчатые потолки. Наверное, здесь несли службу ещё солдаты времён царей Романовых.

Напротив госпиталя — замечательный старинный дубовый парк, ровесник императорской армии. Его деревья напоминали солдат-преображенцев. По весне они одевались в свои изумрудные мундиры. Здесь с ветки на ветку суетливо и расторопно прыгали белки, а большие чёрные вороны, заложив крылья-руки за спины, важно прохаживались по тенистым дорожкам, словно сановные чиновники в дорогих мундирах с иссиня-чёрным отливом...

1. Шальная сирень

В неврологическое отделение поступали офицеры и солдаты с разной степенью контузии. Однажды во время ночного дежурства внесли носилки. Я помог перенести пациента в палату. Утром во время обхода пришёл начальник отделения — полковник медслужбы Заикин, в щегольской морской фуражке с позеленевшим «крабом» (раньше он служил на северной базе подводных лодок). Окна лежал маленький сухонький старик. Лицо было бледным, а глаза смотрели спокойно и устало... Диагноз его был серьёзный.

Я потом мельком глянул в его медкнижку. Это был генерал-майор Георгий Михайлович Бериев, главный конструктор самолётов-амфибий. Когда-то он руководил огромным коллективом. Приказ его значил много. Для него небо и мир были необъятными. Теперь же мир большого человека сузился до размеров госпитальной койки. Лежал под белоснежными хрустящими простынями и просто умирал. Во время длительных и тяжёлых перевязок Георгий Михайлович вёл себя достойно. Но когда было особенно больно, то слегка постанывал и называл меня русским медведем.

Его навещали дочери. Одна из них подарила мне сборник стихов Есенина.

И был старик, к которому сын приходил только раз в неделю. Всё остальное время этот худой и немощный человек лежал под казённым шерстяным одеялом. Порой из его полуоткрытого

беззубого рта с еле слышным неровным дыханием раздавалось какое-то хриплое бульканье. Этот бывший лётчик когда-то испытывал фронтовой бомбардировщик Ту-2. Однажды я решил его подбодрить и сказал, что мой любимый фильм — «Чистое небо» с Евгением Урбанским. И тут он впервые за всё время подобрался, поднял голову: — Да-да, замечательный фильм! Ведь мы так жили...

Иногда пациент вставал и пытался самостоятельно дойти до стола, где был графин с водой. Но не доходил и падал. Дежурные санитары поднимали его и сноровисто укладывали в кровать... Ещё он часто и неподвижно смотрел в окно. Его взгляд скользил по редким пыльным листьям сирени в нашем скверике. Мимо сновали пешеходы. Они хмуро глядели на серое небо и старались укрыться от резкого ветра. Погода была такая, что ещё непонятно: радоваться осени или уже оплакивать прошедшее лето. И от этой неопределённости на душе становилось только хуже. Казалось, что лучшее позади, а будущее... И никто, кроме старика, не замечал, что на крайнем, высоком и скрученном, как виноградная лоза, стволе сирени нежно-розовым цветом распустилась целая ветка. И никто не понимал, что эта запоздалая и несвоевременная дерзкая ветка расцвела именно тогда. Она словно бросила вызов. Вопреки всем законам природы.

Так и некоторые дерзкие смельчаки живут вопреки осени жизни. Вопреки всему. Потом их дела называют подвигами, дают награды. Но они не считают себя героями. Ведь они просто служили. Воевали, летали на всём, что можно поднять в воздух.

Командир батальона морской пехоты, капитан третьего ранга Фроил Нухимович Пресс привык, чтобы к нему обращались как к Фёдору Николаевичу. Он воевал на Курской дуге. Со своим батальоном этот морпех ходил в штыковые атаки. Его заживо засыпало в землянке от взрыва авиабомбы, и он почти умер. Уже после войны из-за контузии Фёдор Николаевич оказался навечно прикован к койке. Часто спрашивал врачей, сможет ли хотя бы братья за чайную ложку, но военные врачи ничего не отвечали, опускали головы и молча выходили из палаты.

Кроме известных личностей, видели мы и других. Груз 200 и родителей, пытавшихся заглянуть в небольшое оконце ящика... Один мой сослуживец заработал на нервной почве язву желудка. Его комиссовали из армии. Будучи санитаром, он почти два года, днём и ночью, находился на посту рядом с обожжённым слепым лейтенантом с ампутированными ногами и оторванными кистями рук. Это был сапёр из Афгана, он спас танковую колонну.

А шальная ветка сирени потом, конечно, умерла.

2. Господин поручик

В двухместной палате он, в тёплой пижаме песочного цвета с белым нашитым воротничком, неторопливо и деловито выкладывал из сумки на прикроватную тумбочку бритвенные принадлежности. Коренастый, широкие плечи, округлое лицо, зачёсанные на пробор рыжеватые волосы, высокий лоб, голубые глаза... А всё равно трудно определить возраст. Я глянул в его медкнижку. В графе «Год рождения» значилась дата «18...».

Человек родом из девятнадцатого века и участник всех войн двадцатого столетия, поручик артиллерии русской армии и полковник в отставке советской армии.

Борис Смирнов слышал живой голос Шаляпина: — ...Ни одна пластинка даже в малой доле не отражала всех модуляций голоса Фёдора Ивановича... Я к нему постучался однажды в грим-уборную после оперы «Хованщина» в Мариинском театре. У меня неплохой баритон. Хотел ему показаться...

...В России все понимали, что конфликта с кайзеровской Германией не избежать. Вильгельм Второй желал наверстать упущенное. Стремился раздвинуть границы своей империи. А я тогда учился в Петербургском, а потом уже в Петроградском артиллерийском имени великого князя Константина (Константиновском) военном училище. Оно располагалось недалеко от Фонтанки в большом доме с колоннами.

Летом 1914 года к нам на смотр приехал император Николай Александрович с сыном, шефом училища цесаревичем Алексеем. Всё училище построилось на плацу. Царь с сыном, адъютант, наш начальник училища — генерал-майор Похвиснев... Обойдя строй, Николай Второй вышел на середину плаца, взял под козырёк и поздоровался: — Здорово, юнкера!

— Здравия желаем, Ваше императорское Величество!

От нашего крика «ура» с крыши казармы сорвались перепуганные вороны.

Царь в своей речи выразил уверенность, что, получив офицерские звания, мы будем прежде заботиться о своих солдатах и по возможности жалеть их.

Наш выпуск состоялся осенью того же года. В чине подпоручика я был оставлен в училище преподавать математику на курсе. В 1915 году, уже поручиком, командовал орудийной батареей на германском фронте. Был даже награждён Георгиевским крестом.

Зимой 1917 года приехал в Петроград на недельный отпуск. Проходя мимо Главного штаба на Дворцовой, услышал:

— Констопуп!

Констопупами нас дразнили михайловцы (Михайловское артиллерийское училище). Знакомый штабс-капитан приветливо помахал рукой. Он шёпотом сообщил, что собирается на Дон, ведь туда едет большинство наших...

Я же не поехал. В ту пору я проживал с матушкой. Пожалел её...

Пришлось снять погоны, которыми гордился. На фронт не вернулся. Его, по сути, уже и не было. Что делать? Работать. Тапёром-пианистом играл во время киносеансов.

Летом 1918 года вызвали в комиссариат по военным делам. Предложили преподавать в моём бывшем училище. Я пошёл служить новой власти не по идеологическим, а, скорее, по семейно-бытовым причинам. Меня поставили в такие условия, что невозможно было отказать. Но я ни о чём не жалею. В тридцатые годы окончил военную академию РККА. Служил на разных должностях. В Великую Отечественную в штабах рассчитывал траекторию орудийных стрельб.

Всю жизнь занимался тем, чему научили. Но в партию так и не вступил...

А сегодня приходи-ка вечером в холл. Я там буду исполнять старинные романсы...

3. Праздник

В такой день подъём отсрочен на час. Это потом уже дневальный зло и устало орёт: «Взвод, подъём!» — и загорается свет. Первыми с верхних коек лихо, стараясь не раскачивать двухъярусную конструкцию, скатываются в проход бесправные «духи». Быстро одеваются, заправляют койки, опять же осторожно, чтобы не нарушить сон уважаемых старослужащих, иначе хороший пинок до следующего ряда чугунных кроватей обеспечен.

Вяло и неохотно поднимаются «старики» из своих тёплых уютных постелей. Пока нет офицеров, они, в нижнем белье и в накинутых на могучие плечи шинелях, шаркая ножками в тапках, зевая и охая, направляются в туалеты совершать утренний ритуал — смолить сигарету. При этом не обращают внимания на суесящихся под ногами молодых бойцов со швабрами, вёдрами, тряпками... Утренняя приборка. Длинный коридор с туалетными комнатами, в которых во время нарядов мы часто «плавали», отмывая кусочком

мыла и зубной щёткой стены, полы, сантехнику... Чтоб сверкало, как зеркало.

Дверь бытовой комнаты широко распахивается, и в ней после душа появляется колоритная фигура, краса и гордость московского военного округа — замкомвзвода сержант Женька Кочурко. Молодые жмутся по стенам. Заняв собой центр комнаты и сев перед зеркалом, долго и внимательно вглядывается в себя, напевая при этом из репертуара Сергея Захарова: «Талая вода, шалая вода, от меня вчерашнего больше нет следа...» — приглаживая пышные мокрые волосы. Он собой доволен.

Построение перед завтраком. На завтрак — шпёнка с коричневой подливой, кусок чего-то с запахом мяса, хлеб, масло, чай. После завтрака — обязательная к просмотру утренняя телепередача «Служу Советскому Союзу». На экране в высоком небе лихо проносятся серебристые истребители, в океане корабли ВМФ уходят в дальний поход, артиллеристы готовят орудия к учебному бою... Мы, стриженные «под ноль», сидим и гордимся, что являемся частью всего этого. До призыва я думал, что наша армия самая сильная, солдаты самые смелые, а офицеры самые волевые, знающие боевую обстановку и умеющие решать сложные задачи... Насмотревшись фильмов («Ключи от неба», «Солдат Иван Бровкин», «Максим Перепелица»), мне казалось, что и в мирной жизни армия — пример для подражания. И многие так думали, пока не сталкивались с суровой действительностью. Приказы выполняют, а не обсуждают. Всё просто и ясно. Отлаженный механизм. За солдата думает вышестоящее командование: от прапорщика до министра обороны. Но, как показало время, приказы могут быть ошибочными и даже преступными.

После короткого перекура пришёл пропагандист из клуба. В царской армии его место занимал священнослужитель. Но, как известно, свято место пусто не бывает. Офицер долго рассказывал об агрессивных империалистах, о воинственном блоке НАТО, о диверсиях против мирных стран Варшавского договора.

Свободные от нарядов солдаты после лекции остались в ленинской комнате играть в шахматы, читать газету «Красная звезда», писать письма родителям и своим девочкам.

Затем снова построение. Наши командиры — прапорщик Ильичёв и капитан Самсонов. Прапорщик — ветеран вОВ, настоящий солдат, фронтовик-артиллерист. Прошёл войну от Подмоскovie зимы сорок первого и до берлинской весны сорок пятого. На всю жизнь осталась в спине крупновская сталь. В непогоду осколки давали о себе знать. Германское железо словно напоминало: «А я-то здесь, с тобой, не забывай войну». Когда становилось совсем невмоготу, Ильичёв ложился в госпиталь, как он шутил, на профилактику

и ремонт. Но сколько верёвочке ни виться, всё равно конец будет. ЦВВК под председательством генерал-майора медслужбы, начальника госпиталя Ю. С. Кравкова вынесла Ильичёву вердикт, которого он боялся всю жизнь: к службе не годен. Так что это был его последний праздник в армии.

Когда Ильичёв повернулся, держа в руках поздравление министра обороны СССР маршала Устинова, среди нас пронёсся гул восхищения и гордости. Прапор был невелик ростом, со спины его можно было принять за худенького подростка. Но теперь он весь был закован в сверкающий, без просветов, панцирь из боевых наград. Без приказа, нарушив дисциплину в строю, мы заплотировали. Мы его уважали. И он нас любил. Никогда не кричал. Даже по службе не отдавал приказы командным голосом, а как бы просил.

Потом Ильичёва заменил Романов, высокий лопоухий парень лет двадцати пяти, переведённый к нам за аморалку из Западной группы войск. Он и здесь не высыпался после ночей в общаге с женщинами-военнослужащими. Ходил вечно как сонная муха.

«Взвод, строиться вниз на обед». И мы заходим в раздатку. Столы сдвинуты в один большой буквой «Т». Во главе «заседает» капитан Самсонов, или Груша, запойный и вороватый, любящий пообедать из солдатского котла, часто хвастающий, что зараз может съесть десяток варёных яиц. Груша толкнул речь, и мы уселись за праздничный стол. К обычному обеду добавился салат (картошка, морковь, репчатый лук, сухой и крупно порубленный укроп, солёный огурец), заправленный подсолнечным маслом. На десерт — стакан какао, яблочного сока, пачка печенья на двоих.

Весело отобедав, потравив байки в курилке, мы строем направляемся в клуб смотреть кино — «Старшина». Много полезного высмотрели из этого фильма наши деды. Новые оригинальные методы воспитания «дúхов», которым первые полгода службы «приказано выжить».

Вечером спокойно, офицеры не появлялись. К проверке притащились «старики» из увольнения. Незаметно пронесли вино. Убежали в раздатку отмечать. Нажарили картошки. Вытряхнули сухие пайки. Дым коромыслом. Песни под гитару. Фото на память. А для молодых — команда «Отбой». Гаснет верхний свет. Загорается синий ночник над дверью.

В неврологическом отделении выздоравливающие офицеры поздравляют друг друга. Кто не может выйти в курилку, втихаря смолит чинарики. Один младший лейтенант вспоминает, как в Афгане забирал с пяточка в горах ребят в «вертушку», а их со всех сторон, вместе с вертолётom, окружили душманы. Вот так под выстрелами и пришлось взлетать... Другой военспец негромко проронил лишь несколько слов о том, что в Эфиопии сейчас

прохладно, время пустынных бурь прошло, да и они привыкли к этому климату...

На улице тихо идёт снег. Какой-то нахохлившийся воробей с завистью заглядывает в гостеприимное окно. На подоконнике с красными гвоздиками из радиоприёмника торжественно звучит голос диктора: «Служу Советскому Союзу!»

Поздно вечером, после звонка ответственного дежурного офицера (звонок принял дневальный у телефона), автомобиль уаз из эвакуационного отделения прибыл с командой солдат на аэродром Быково. В самом конце взлётной полосы одиноко стоит транспортный самолёт. Сержант Кочурко получил сопроводительные документы. Открылся грузовой люк «Белого лебедя»... Кочурко принял груз 200, прибывший из Афгана. Лейтенант, сопровождавший цинк, в запечатанном пакете передал личные вещи: голубой берет десантника, несколько фотографий, комсомольский значок, наручные часы на ремешке. Солдат вернулся домой. Этот груз был одним из первых с начала войны.

Потому я и запомнил это двадцать третье февраля 1980 года.

4. Лапоть

Его привезли в казарму, когда призыв уже заканчивался, и буйно цвела природа, и было хорошее настроение, ведь целая жизнь ещё впереди. И много планов, много желаний... Эти ребята засиделись где-то на сборном пункте. И все сельские, то есть не маменькины сынки. Сызмальства приучены к крестьянскому труду. Большие натруженные руки с затвердевшими мозолями... Говорили меж собой тихо—видимо, стеснялись деревенского говорка. И все какие-то одинаковые. Но среди них выделялся один, с грубым, непривлекательным лицом. Высоко вздёрнутый нос и вихры непричёсанных волос... Сергей Лаптев. Войдя последним, поставил свой мешок на пол и с большим интересом неспешно стал рассматривать армейские плакаты на стенах.

Наши сержанты обступили новобранцев. Сержант Богдан Захарчук, маленький и въедливый, вечно шипящий даже на своих ребят, спросил у Сергея Лаптева:

— Слышь, боец, ты откуда? С базара, что ли? Семечки продавал? А в мешке у тебя, наверно, одни тараканы? Мешок-то из наволочки сшит?..

Кажется, тот даже не понял его насмешку. Без тени смущения, запросто и открыто ответил, что мешок емушила маманя.

Прозвище «Лапоть» дали ему сразу, и звучало оно вполне естественно. Был он то ли со Смоленщины, то ли с Рязанщины. Сержанты из Закарпатья невзлюбили его. Был он сам по себе, ни от кого не зависел и ответить кулаком мог. Но за стойкость надо платить. Нелегко ему пришлось. Все наряды на кухню, все дневальства его были. Хозработы—тоже его. Мытьё спален, «плавание» в туалетах... Когда он спал—неизвестно. И только по вечерам в ленинской комнате, когда при обязательном просмотре программы «Время» гас свет, Лапоть засыпал. А на утреннем осмотре стоял в строю поглаженный, с чистым подворотничком и белоснежным носовым платком в нагрудном кармане. Во время тревог Сергей одним из первых вылетал из койки, мгновенно одевшись, бежал в ружпарк. Дисциплину он понял и принял. Не озлобился, не ушёл в себя. Как ни спросишь: «Лапоть, как дела?»—он с улыбкой отвечал: «Всё путём».

На таких, как первый петровский солдат Бухвостов, капитан Тушин из «Войны и мира» Льва Толстого и мой Серёга Лаптев, в любую эпоху, вне зависимости от времени и политического строя, держались и держатся русская армия и флот.

Лапоть рос без отца. Иногда получал письма от матери. Ещё реже приходили письма от девочек—одноклассницы. Та писала ему просто так, от скуки...

Как только объявили приказ министра обороны СССР об увольнении его призыва, Лапоть начал суетиться, готовиться. Для своей мамани, как он её называл, купил подарки в военторге. Всё торопился. Уехал одним из первых.

Возвращался домой в купейном вагоне. Высматривал в тёмном окне свою станцию и пил чай. Всего один короткий перегон оставался до родной деревни. И вдруг крик:

— Помогите!

Он рванулся на этот крик. В тамбуре пьяные пассажиры приставали к девушке. Лапоть, ясное дело, заступился.

— Не твоё дело! Ехай себе, дембель, дальше.

Лапоть крепко кого-то из них ударил... Били его долго и жестоко. Несколько раз пырнули ножом. И ещё живого, открыв дверь, на полном ходу поезда сбросили.

Это произошло ночью. Все в вагоне спали, а может, и нет. На рассвете Серёгу Лаптева нашёл путевой обходчик на ландышевой полянке под откосом.

До сих пор его почему-то вспоминаю.